

~~НС. КИЕВ~~
**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ**

КРАСНЫЙ

**ЖУРН^АЛ
для
ВСЕХ**

ПЗ5
127

3/254

№ 1-2

ПЕТРОГРАД

**ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ**

1923

Красный деревенский молодняк.

I.

Новая деревенская девушка поет о своем
ненаглядном:

Как милая не любить
По его портрету,—
Стала грамоту учить
По его совету.

Изумительная частушка! Это, несомненно,
продукт нашего времени—деревенский парень, советующий своей миленькой учиться
грамоте.

Но откуда он взялся, этот новый деревенский парень? Кто растолковал ему о
пользе грамоты? Какую, воистину чудесную, школу успел он пройти за эти короткие годы, чтобы так неузнаваемо, с головы до ног, переродиться?

Это—очень длинная история, но все-таки попытаемся ее изложить.

Парень был в городе; по всей вероятности, в четырех стенах казармы-острога, под серой солдатской шинелью. Но вот—февраль; но вот—знойные месяцы митингов, демонстраций, манифестаций,—непрерывного и неустанного кипения—бурления в кotle революции...

...Июнь, июль, октябрь...

И вот, в один прекрасный день, где-то, около Большого проспекта, на Петроградской стороне, горластая, увешенная красными ленточками и бантиками, тальянка—ходуном заходила в крепких, мозолистых руках:

Прощай, улица Зеленина,
Чайнуха Куриночка,—
Ухожу я в стаю Ленина,
Веселый паренек.

Где это видано, где это слыхано в России, чтобы деревенский молодняк сам, не дожидалась призыва, добровольно становился под ненавистную „красную шапку“?

Эх ты, Ванюшка-голубчик,
Ваня, славный побратим,—
Возьмем, дружище, по винтовке,
Да на белых покатим!

Или, еще выразительнее:

Мы с братишкой Ванюшкой
Поменились кольцами:
За советскую власть в солдаты
Идем добровольцами!

И если, порою, иная частушка кажется не совсем искренней—„бахвалится парень: силой взяли, ну и напускает на себя невесть что“

Бросил Машу я плутовку
И слезам ее не внял:
На армейскую винтовку
Ласки девичьи сменил,—

то у этого же самого парня, про запас, другая частушка, в дребезги разбивающая такие предположения:

Не дает нам враг покоя,
Ждешь тревоги с каждым днем;
Теперь время не такое,
Чтоб валандаться с бабьем!

Он меняет ласки девичьи на красноармейскую винтовку, ибо этого требует революция, но милой своей он не забывает.

При товарищах одно:

Мне в деревню не охота
И по милой не тужу;
Добровольцем больше года
В Красной армии служу,—

а миленькой своей, все-таки—пишет! Пишет—не забывает ее!

Милый пишет мне письмо,
Что с белыми сражается,
С красным орденом домой
В отпуск собирается.

Не горюй, моя милая,—
Скоро с армии вернусь;
Подыму свое хозяйство,—
На тебе тогда женюсь.

В красноармейской казарме звучат, порою, заносчивые и задорные песни:

„Враг на нас все зубы точит,
И грозит издалека,—
Испытать еще, знать, хочет
Крепость красного штыка“!

Но нет в этих песнях ничего „ура-патриотического“ (шапками, мол, закидаем!); врагу грозят, ибо враг сам угрожает:

Мы изжестить хотим напасти,
Чтоб покой себе добить,
И врагов Советской власти—
Били, бьем и будем бить!

И красноармеец знает, за что он борется:

Хотели пушкам нас разбить
Буржуи всего света,
Власть советскую свалить
И отдать кадетам.

Или:

Собралася полна рота
Из рабочих батраков—
Защищать свои Советы
От богатых кудаков!

II.

Так вот откуда он взялся, новый деревенский парень, советующий своей миленькой в письме из красноармейской казармы учиться грамоте. Красная казарма растолковала ему о пользе знания. Та чудесная школа, которую он прошел за эти бурные 5 лет и в которой неизвестно, от головы и до ног, переродился, эта школа—*Красная Армия*.

Красноармейская казарма создает новых людей, неустанно вливает в деревню все новые и новые потоки красной, революционной, зрячей и по новому окрыленной и оперенной молодежи.

И это чувствуется там на каждом шагу. Если такая, например, частушка:

Разрешили комиссары
Хлебцем вволю торговать,
Значит, нужно на весну нам
Поля больше запахать.

продиктована исключительно своекорыстными соображениями, то не хотите ли прослушать другую?

Не хочу иметь я дела
Ни с попом, ни с кулаком,
Продовольственный излишек
Сдам скорее в Исполком.

Это уже не прежний темный деревенский парень, наполнивший свою жизнь, кроме труда и любви, водкой, картами, поножевщиной, тоскливыми ожиданием рас-

проклятой солдатчины. Он читает газеты, следит за мировыми событиями, живо откликается на них в своих „коротеньких песенках“.

Вот какие речи теперь звучат вечерком где-нибудь в укромном уголку, у плетня, вперемежку с обятиями и поцелуями:

Эх ты, милая моя,
Ты не будь так робка,
Идем вагоны разгружать:
Получилась пробка!

А вагоны надо идти разгружать потому, что они—наши, и железные дороги—наши, и „пробки“ на них потому грозят нам убытком. Припомним уже приведенную нами в предыдущей статье частушку: „Пойдем, миленький, в субботу дров на станцию пилить, чтобы наши паровозы побыстрей могли ходить“.

Вот как высока революционная сознательность современной нам молодой красной деревни!

А как отзывалась деревня на изъятие церковных ценностей для спасения погибающих голодной смертью?

Мы с богов сымаем ризы
И пускаем в оборот
Для того, чтобы насытить
Голодавший народ.

Не только не поддалась молодежь поповской и старушечьей погромной агитации, а—наоборот!—на коммунистов, чуть-ли не на самого Ильича, зубы ощерила:

Коммунисты дотянули
Поволжан до голода,
Давно бы в церковь заглянули—
Там довольно золота!

Так вот каков новый деревенский парень, пробужденный от вековой своей спячки войною и февралем, оперенный и окрыленный Октябрьской революцией.

B. B. Князев.

